

О. В. Богданова
С. М. Некрасов

УДК 82-32
<https://orcid.org/0000-0001-6007-7657>
<https://orcid.org/0000-0003-3606-1262>

**Тенденциозный дуализм авторского видения
(глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272
«Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова
в оценках отечественных мыслителей и исследователей»

Для цитирования: Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 19-27. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-20-28

В статье анализируется поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и в частности одна из первых ее глав – «Поп». В работе делается попытка взглянуть на хрестоматийный текст русского классика с новых, современных позиций и задуматься над вопросом о том, насколько поэма – «эпос народной жизни» – в действительности отвечает эпической направленности и в какой мере художник объективно подготавливает ответ на вопрос, поставленный в названии поэмы. В ходе анализа авторы работы сопоставляют канонический текст главы «Поп» с черновыми рукописями, заметками, дополнениями, постраничными правками, которые суммированы исследователями-некрасоведами и представлены в комментариях к Собранию сочинений поэта. Сопоставление различных вариантов главы позволяет авторам исследования показать, как кардинально и неожиданно менялась точка зрения Некрасова на изображаемый персонаж и каким тенденциям следовал поэт. В работе показано, что основой первого варианта образа попа из одноименной главы стал не фольклор, как традиционно принято считать, но главным образом легендарное письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, которое при сопоставлении с текстом некрасовской поэмы обнаруживает буквальное (буквалистское) сходство, подсказывая мысль о непосредственном следовании Некрасова точке зрения «неистового Виссариона». Однако, как показано в работе, устойчивой и самостоятельной точки зрения на создаваемый образ попа (не священника, как специально оговорено в работе) у Некрасова не было, он находился под влиянием то одного идейного соратника, то другого. Так, в статье продемонстрировано, что окончательный образ попа сложился в поэме под влиянием уже иного кумира, Н. А. Добролюбова, «поповского сына», который, как видно из текста, помог Некрасову скорректировать окончательный характер героя главы «Поп». В статье делается вывод о том, что ранний псевдоним Некрасова – Перепельский – и в работе над «Кому на Руси жить хорошо» продолжает незримо присутствовать и находит свою семантическую мотивацию: Некрасову был свойствен талант изменять точку зрения и с готовностью следовать доминирующей (коммерчески прибыльной, по словам М. С. Макеева) тенденции. Таким образом, суммарность тенденциозных факторов, сопровождающих текст поэмы в целом и главу «Поп» в частности, и их неустойчивость позволяют автору статьи говорить о сниженном «народном» – объективном и эпическом – потенциале поэмы.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н. А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», авторская позиция, идейный дуализм, аксиологическая неустойчивость.

O. V. Bogdanova, S. M. Nekrasov

**The tendentious dualism of the author's vision
(The Priestling chapter in the context of *Who is Happy in Russia?* poem by Nikolai Nekrasov)**

The article analyzes the poem by Nikolai Nekrasov *Who is Happy in Russia?* and in particular, one of its first chapters, *The Priestling*. The author makes an attempt to look at the paradigmatic text of the Russian classic from modern new positions and to speculate about the issue of how much the poem – the so called epic of folk life – actually gets in line with the epic mentality and to what extent the poet objectively draws up the answer to the question posed in the title of the poem. In the course of the analysis, the authors of the work compare the canonical text of *The Priestling* chapter with draft manuscripts, notes, additions, and page amendments which are summarized by Nekrasov scholars and published in the comments to the poet's collected works. Comparison of various versions of the chapter allows the authors of the study to show how crucially and unexpectedly Nekrasov's attitude to his characters changed and what

tendencies the poet followed. The work shows that the basis for the first version of the image of the priestling from the eponymous chapter was not folklore, as is traditionally believed, but mainly the legendary letter written by Vissarion Belinsky to Nikolai Gogol, which, when compared with the text of Nekrasov's poem reveals a literal (hard-line) similarity, thus, suggesting the idea that Nekrasov directly followed the view point of frantic Vissarion. However, as shown in the work, Nekrasov did not have a sustained and independent concept of the image of the priestling (not a priest, as is explicitly specified in the work). He kept being influenced now by one ideological ally, then by another. So, the article evidentiates that the final image of the priestling in the poem was formed under the influence of another icon – Nikolai Dobrolyubov, a priest's son himself. It was he, as you can judge from the text, who helped Nekrasov to rectify the final features of the character in the chapter *The Priestling*. The article concludes that Nekrasov's early pseudonym – Perepelsky – continues to be invisibly present during the poet's work on *Who is Happy in Russia?* and finds its semantic motivation in it: Nekrasov was notable for his talent to change his point of view and readiness to follow the dominant tendency (a commercially profitable one, according to Mikhail Makeev). Thus, the total of the tendentious factors accompanying the text of the poem as a whole and *The Priestling* chapter in particular, and their instability, allow the author of the article to speak about the reduced folk – objective and epic – potential of the poem.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Nikolai Nekrasov, *Who is Happy in Russia* poem, author's position, ideological dualism, axiological instability.

Творчество Н. А. Некрасова получило обширное освещение в критике и литературоведении, породив сотни трудов некрасоведов – как отечественных, так и зарубежных, среди которых такие известные российские исследователи-классики, как Б. Я. Бухштаб [Бухштаб, 1989], В. Е. Евгеньев-Максимов [Евгеньева-Максимов, 1953], В. А. Кошелев [Кошелев, 1999; Кошелев, 1993], Б. В. Мельгунов [Мельгунов, 1989], Н. Н. Пайков [Пайков, 2000], Ф. Я. Прийма [Прийма, 1987], Н. Н. Скатов [Скатов, 1994; Скатов, 1986; Скатов, 1985], Н. Л. Степанов [Степанов, 1962], А. Ф. Тарасов [Тарасов, 1989] и др. Но сегодня ведущие позиции в некрасоведении занимают и современные ученые, подходящие к творчеству Некрасова с новых позиций и открывающие неожиданные ракурсы в его лиро-эпическом наследии, – Р. Ю. Данилевский [Данилевский, 2006], М. С. Makeев [Makeев, 2017; Makeев, 2006; Makeев, 2007; Makeев, 2008; Makeев, 2009], С. Смирнов [Смирнов, 2009], С. Gatto [Gatto, 1975], A. Luisier [Luisier, 2005] и др. В этом плане поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1863-1877) все чаще становится в современном литературоведении тем текстом художника, который актуализирует ряд важных и спорных вопросов о характере эволюционирования и доминантных тенденциях русской литературы середины XIX века.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо», названная «эпопеей современной крестьянской жизни» [Некрасов, 1982, с. 601], кажется, емко и многогранно охватывает все стороны российской действительности пореформенной поры. Между тем возникает сомнение: действительно ли поэтическое творение Некрасова обретает размах эпический и не просматривается ли в нем отчетливая демотическая тенденциозность? не выглядит ли

изображение российской действительности односторонним и необъективным?

Напомним, что об «однобокости» изображения российской действительности («преимущественно “ненарядной” ее стороны») в «Кому на Руси...» исследователи-некрасоведы говорили неоднократно (см. работы В. А. Кошелева [Кошелев, 1999], Л. А. Евстигнеевой [Евстигнеева, 1971], Ю. И. Красносельской [Красносельская, 2016] и др.), но, как правило, опускали аксиологическую составляющую этого наблюдения.

Итак, с одной стороны, замысел поэмы, в которой герои-странники отправляются в дальнее путешествие в поисках ответа на вопрос «Кому живется счастливо, вольготно на Руси?», несомненно, масштабен и уже в исходной интенции эпичен. Главный вопрос, который ставят перед собой герои, обширен и всеобщ: кому... Между тем сразу возникает дилемма: почему пытливыми персонажами, ищущими истину, у Некрасова оказываются крестьяне, герои малоопытные, необразованные, как определено в самой поэме – далеко не умные. Например, о Луке: «Лука – мужик присадистый / С широкой бородищею, / Упрям, речист и глуп» [Некрасов, 1982, с. 17]. И позже о нем же – «дубина деревенская» [Некрасов, 1982, с. 25].

Социальный статус героев существенно локализует (сужает) эпический ракурс поэтического обозрения, тем более что центральные персонажи поэмы оказываются выходцами из бедных и скудных деревень – «Подтянутой губернии, / Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень: / Заплатава, Дырявина, / Разутова, Знобишина, / Горелова, Неелова – / Неурожайка тож» [Некрасов, 1982, с. 5]. Ономастически значимые – «говорящие» – имена сёл заставляют предположить, что представление о сча-

стве «крестьян-лапотников» [Некрасов, 1982, с. 16] сконцентрировано вокруг проблем житейского достатка, а точнее *богатства*, или *богатства*» [Некрасов, 1982, с. 22], как звучит в поэме. Неслучайно, желая знать, кому живется счастливо на Руси, герои-крестьяне сразу и уверенно называют представителей состоятельных слоев общества – «Роман сказал: помещику, / Демьян сказал: чиновнику, / Лука сказал: попу. / Купчине толстопузому! – / Сказали братья Губины, / Иван и Митродор. / Старик Пахом потужился / И молвил, в землю гляючи: / Вельможному боярину, / Министру государеву. / А Пров сказал: царю...» [Некрасов, 1982, с. 5]. Задуманная и создаваемая в первые годы после отмены крепостного права поэма о народной жизни оказывается исходно ориентирована на господ, а не на крестьян, только что получивших волю, хотя применительно к последним именно таковая установка – «живется *вольнo/вольготнo*» – была бы эпична по размаху. То есть философский вопрос «кому живется счастливо...», масштабно заявленный на титульном уровне, уже на этапе завязки поэмы стремительно сворачивается в тенденциозный ракурс, ориентированный на социальное неравенство: крестьяне ↔ господа. Народ, только что получивший долгожданную свободу, исходно оказывается вне пределов авторского поэтического исследования, его герои из низов а priori признаются несчастными.

Условность и раздифференцированность сюжетной установки вскоре обостряется парадоксом – из текста поэмы становится ясно, что на самом деле герои-странники – не бедняки, а вполне зажиточные крестьяне, «мужики степенные» [Некрасов, 1982, с. 17]. Повествователь сообщает о героях, что «По делу всяк по своему / До полдня вышел из дому: / Тот путь держал до кузницы, / Тот шел в село Иваново / Позвать отца Прокофия / Ребенка окрестить. / Пахом соты медовые / Нес на базар в Великое, / А два братана Губины / Так просто с недоуздой / Ловить коня упрямого / В свое же стадо шли» [Некрасов, 1982, с. 6]. Иными словами, у каждого из персонажей есть собственный достаток, будь то пасека Пахома, дающая мед, несомый на базар, или «свое же» лошадиное стадо братьев Губиных. У кого-то из них есть дела в кузнице, кого-то заботит празднество крещения. И если так обстоят дела в деревнях Заплатове, Дырявине, Разутове, Знобишине, Горелове, Неелове и Неурожайке, то, можно предположить, в селах Иваново, Великое, Кузьминское, куда направляются странники, дела должны идти еще лучше.

По ходу сюжетного развития отойдя от своих деревень «верст <на> тридцать» [Некрасов, 1982, с. 7], спорящие крестьяне-герои «сваливают» собственную оплошность «на лешего» [Некрасов, 1982, с. 7] и устраиваются на ночлег в лесу. Примечательно, что и в данной ситуации герои не голодают и не бедствуют: «Зажгли костер, сложились, / За водкой двое сбежали, / А прочие покудова / Стаканчик изготовили, / Бересты понадрав» [Некрасов, 1982, с. 7]. И уже вскоре: «Приспела <...> водочка, / Приспела и закусточка – / Пируют мужички!» [Некрасов, 1982, с. 7]. В подобной ситуации назвать героев несчастными вряд ли представляется возможным, особенно на фоне того, что вскоре они сказочным образом обретут скатерть-самобранку и будут благополучно и счастливо – без забот о еде и «одежде» [Некрасов, 1982, с. 13], без дум о работе и семье – продолжать свое бесконечное (в прямом смысле – *неоконченное*) странствие.

Созданная в ориентации на устное народное поэтическое творчество, густо пронизанная устойчивыми мотивами, поэма Некрасова сочетает в себе собственно литературные и фольклорные стратегии, совмещает приемы художественной литературы и народного творчества. И – в традиции фольклорной и литературной – первая глава, где крестьяне-странники встречаются с одним из претендентов на звание счастливец – с попом, открывается пейзажем, картиной русских просторов. «Широкая дороженька, / Березками обставлена, / Далеко протянулася, / Песчана и глуха. / По сторонам дороженьки / Идут холмы пологие / С полями, с сенокосами...» [Некрасов, 1982, с. 15].

Время, которое изображает Некрасов, – весна: «подходит месяц май» [Некрасов, 1982, с. 16]. Традиционно лексемы «весна» и «май» появляются в литературе (и в фольклоре) в контексте мотивов, связанных с пробуждением природы, оживлением жизни, с ожиданием начала счастливой солнечной поры. Однако Некрасов «нарушает» традицию и, согласно своему «горестному» замыслу, прием природно-психологического параллелизма использует для нагнетания бедственной атмосферы, создает пейзаж убогий, холодный, печальный. «Но вы, поля весенние! / На ваши всходы бедные / Невесело глядеть! / <...> / Поля совсем затоплены, / Навоз возить – дороги нет...» [Некрасов, 1982, с. 16]. Очевидно, что столь неприветливой могла быть весна в год путешествия героев. Однако Некрасов не ограничивается печальным зрелищем природных явлений, воли Божией – на его героев наводит грустные мысли и

вид крестьянских строений. «Нелюбо и на старые, / Больней того на новые / Деревни им глядеть. / Ой избы, избы новые! / Нарядны вы, да строит вас / Не лишняя копеечка, / А кровная беда!..» [Некрасов, 1982, с. 16].

Понятна печаль лирического повествователя-нарратора, лицезреющего убогие и покосившиеся домишки гоголевских поместий Манилова или Плюшкина. Отчего же так нелюбо и больно смотреть некрасовским персонажам на новые нарядные дома и деревни? Зачем Некрасов столь однозначно связывает появление новых изб с пожаром или иным бедствием? См. в одном из вариантов текста: «Ой вы! пожары лютые / Что вы пустили на вет<ер> / Крестьянского труда...» [Некрасов, 1982, с. 259]. Но очевидно, что Некрасову важна тенденция – он исходно намерен показать убогость и нищету жизни русского крестьянина, и потому повествователь и герои безапелляционно отмечают иную мотивацию нарядности и новизны деревень, не иначе как по причине пожара или иного несчастья. Именно на таком фоне выразительнее и пропагандичнее могла быть выписана и акцентирована встреча героев-странников со священником, у которого в хоромах, по словам Луки, «малина – не житье»: «Попы живут по-княжески. / Идут под небо самое / Поповы терема, / Гудит попова вотчина – / Колокола горластые – / На целый божий мир. / <...> / Попова каша – с маслицем, / Попов пирог – с начинкою, / Поповы щи – с сметком! / Жена попова толстая, / Попова дочка белая, / Попова лошадь жирная, / Пчела попова сытая, / Как колокол гудет!» [Некрасов, 1982, с. 25-26]. Антитеза «народ ↔ поп» формируется Некрасовым исходно.

Как известно, главу «Поп» писатель перерабатывал несколько раз. В комментарии к главе в Собрании сочинений Некрасова значится: «При доработке главы из прежней рукописи был вынут двойной лист с началом текста и заменен двумя вставочными листами. При этом в характеристике попа добавлены строки, подчеркнувшие его совесть, озабоченность крестьянскими нуждами и непричастность к взяткам с раскольников. В рассказе попа исключен отрывок, в котором он сетовал на упадок религиозного чувства в народе и отсутствие “рвения” к православию» [Некрасов, 1982, с. 621]. Если воспользоваться приемом «обратного хода», то можно «реконструировать» первоначальный вариант главы. В ней (как очевидно) поп был без совести, не был озабочен крестьянскими нуждами, был причастен к взяткам с раскольников, сетовал на упадок религиозного чув-

ства в народе. В подобной интерпретации образ попа выглядел сатирически-лубочным, сниженным – зловещим, лукавым, безнравственным и бесчестным. Едва ли не в духе желчных сатир М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако либо собственное творческое чувство меры Некрасова, либо советы первых слушателей главы, посвященной счастью церковнослужителя, приводят к тому, что глава «Поп» перерабатывается, и образ святого отца получает иные коннотации.

Поп первым среди героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо» отчетливо формулирует представление о счастье, каким видит его сам и каким счастьем представляется мужикам: «– В чем счастье, по-вашему? / Покой, богатство, честь – / Не так ли, други милые? – / Они <крестьяне> сказали: „Так?“» [Некрасов, 1982, с. 19, выд. нами. – О. Б., С. Н.]. Формула счастья выведена, и она кажется абсолютной – принимается представителями разных социальных слоев (условно – счастливых и несчастных). Однако из рассказа попа становится очевидным, что покоя у «счастливого» героя нет: «Болящий, умирающий, / Рождающийся в мир / Не избирают времени: / В жнитво и в сенокос, / В глухую ночь осеннюю, / Зимой, в морозы лютые, / И в половодье вешнее – / Иди – куда зовут!» [Некрасов, 1982, с. 19].

Можно было бы снисходительно-недоверчиво отнестись к этим жалобам священника на трудности и непокой, однако сходные сетования обнаруживает и переписка (откровенные признания в частных письмах) абсолютно авторитетного врача и писателя – А. П. Чехова. Доктор Чехов (как известно, профессии священника и врача в чем-то близки) в период разгула эпидемии холеры в центральной России писал своему другу и издателю А. С. Суворину в Петербург: «Я одинок, ибо <...> работа, требующая постоянных разъездов, разговоров и мелочных хлопот, утомительна для меня...» (1 августа 1892 г. [Чехов, 1974]). В следующем письме он снова признавался: «Душа моя утомлена. <...> Не принадлежать себе, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота, ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, – это, сударь мой, такая крошка, от которой не поздоровится» (16 августа 1892 г. [Чехов, 1974]). Вряд ли можно всерьез упрекнуть Чехова в равнодушии к больным и нуждающимся, к *человеку*, но и ему (самоотверженному врачу и тонкому писателю-психологу) не были чужды уста-

лость и раздражение, тоска и даже злость на постоянный непокой, требующий немедленного выезда «куда зовут».

Более того, «переработанный» некрасовский поп, герой второй редакции главы, привносит в свой рассказ моральную составляющую – с усталости физической переносит акцент на «боль душевную»: «Не верьте, православные, / <...> / Нет сердца, выносящего / Без некоего трепета / Предсмертное хрипение, / Надгробное рыдание, / Сиrotскую печаль!» [Некрасов, 1982, с. 20].

Не менее пронзительно звучит и рассказ священника о том, как он вынужден брать крестьянские медяки за потребу: «Страшна семья крестьянская / В тот час, как ей приходится / Кормильца потерять! / Напутствуешь усопшего / И поддерживать в оставшихся / По мере сил стараешься / Дух бодр! А тут к тебе / Старуха, мать покойника, / Глядь, тянется с костлявою, / Мозолистой рукой. / Душа переверотится, / Как звякнут в этой рученьке / Два медных пятака!..» [Некрасов, 1982, с. 25]. Рассказчик делает акцент на нравственном аспекте службы – «душа переверотится...»

Процитированные слова укрепляют в сочувствии к доле попа, актуализируют в его образе человеческие, нравственные слагаемые. Тем более несправедливыми и скабрёзными выглядят обвинения (шутки?), которыми сопровождает попов простой народ. «– Скажите, православные, / Кого вы называете / Породой жеребьячею? / <...> / – С кем встречи вы боитесь, / Идя путем-дорогою? / <...> / – О ком слагаете / Вы сказки балагурные, / И песни непристойные, / И всякую хулу?.. / <...> / Кому вдогон, как мерину, / Кричите: го-го-го?..» [Некрасов, 1982, с. 20-21].

Счастье «почета», который должен был заслужить священник, оказывается дискредитированным. И, кажется, Некрасов в подобном отношении к попам опирается на фольклор, на народно-поэтическое творчество, на сатирические сказки и балаганные вертепы, немилосердно осмеивающие жадных, хитрых, завистливых и глупых церковнослужителей. Даже само слово «поп», используемое Некрасовым в тексте поэмы, имеет очевидную эмоционально-стилевую окраску, выполняет функцию не столько номинативную, сколько оценочную: именно так именуют священников в сатирических народных сказках, прибаутках, пословицах и поговорках. Заметим, что в одном из ранних вариантов главы *поп* у Некрасова назывался *священником*. Но в окончательном варианте произошла замена: «Каков покой [*священнику?*] / Каков покой *попу?*» [Некрасов, 1982,

с. 261, строки 544а и 544б]. При этом в окончательном тексте герои-путники, непосредственно обращаясь к попу, используют (кажется) уважительную форму диалогического общения: персонажи-странники обращаются к нему «честной отец» [Некрасов, 1982, с. 18]. Обратим внимание, не «*святой* отец», что было бы более традиционным и каноничным, но «честной», используя эпитет фразеологически прочно прикрепленный к другому слову – *честной* народ. Подобная характеристическая переподстановка семантически значима – Некрасов намеренно отказывается от почтительной формы обращения к священнику, настойчиво отдаваясь вырисовываемой тенденции.

Среди народных сказок (в том числе в сборнике А. Н. Афанасьева, 1855-1863) действительно можно найти много примеров негативной аксиологии в отношении к служителям церкви. Уже только по названиям сказок легко констатировать негативный ракурс отношения простого народа к попам: «Жадный поп», «Как поп быка украл», «Как поп работников морил», «Поп теленка родил» и мн. др. Однако наблюдения показывают, что образ попа в первоначальном варианте поэмы Некрасова был спровоцирован не фольклорными текстами Даля или Афанасьева, но непосредственно вырос из мнения учителя и наставника поэта – В. Г. Белинского. Надо полагать, что в течение долгого времени выполняя обязанности секретаря «неистового Виссариона», Некрасов должен был хорошо усвоить суждения критика, детально знать и помнить его переписку. Так, если обратиться к открытому письму Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 3(15) июля 1847 года, то обращает на себя внимание удивительное сходство, даже лексическая близость суждений Белинского и той поповой характерологии, которую предлагает поэт.

Из письма Белинского Гоголю: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупоности, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать. Приглядитесь при-

стальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, всё еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностью – ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индифферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противоположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно» [Белинский, 1936].

В приведенной большой цитате много примечательного. Структурно-стилевая риторика Белинского – «Про кого русский народ рассказывает *похабную сказку?* <...> Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, *жеребцы?*» – очень напоминает повествовательную стратегию Некрасова и напрямую проецируется на нее. Ср.: «Кого вы называете / *Породой жеребьячьей?*» или «О ком слагаете / Вы сказки *балагурные,* / И песни *непристойные,* / И *всякую хулу?*...»

В комментариях к главе «Поп» исследователями-некрасоведами специально оговаривается то обстоятельство, что строка «Кому вдогон, как мерину, / Кричите: го-го-го?» была особенно важна для Некрасова. По наблюдениям текстологов, поэт переносил ее с одного листа рукописи на другой: «В главе „Поп“ он <Некрасов> смягчил строки о бранно-пренебрежительной кличке, которой народ честит духовенство („Кому вдогон, как мерину, Кричите: го-го-го?...“), хотя, *видимо, дорожил ими*, так как трижды вписывал их в рукопись, подыскивая подходящее место» [Некрасов, 1982, с. 624–625; выд. нами. – О. Б., С. Н.]. Столь «дорогими» эти строки для Некрасова, несомненно, были потому, что для осведомленных современников

они стали прямым указанием на Белинского, на апелляцию к его знаменитому гоголевскому письму.

В опоре на письмо Белинского и его характеристику священства можно еще образнее представить себе, каким был поп Некрасова в первой редакции поэмы. Попы «по Белинскому» действительно охарактеризованы как *бессовестные, не озабоченные крестьянскими нуждами, сетующими на упадок религиозного чувства*. И что не менее репрезентативно – вслед за Белинским некрасовский поп обращается к мотиву *раскольничества*: «Потом статья... раскольники... / Не грешен, не жил я / С раскольников ничем. / По счастью, нужды не было: / В моем приходе числится / Живущих в православии / Две трети прихожан. / А есть такие волости, / Где сплошь почти раскольники, / Так тут как быть попу?» [Некрасов, 1982, с. 23]. Как помним, цитируемый Белинский не только поминает раскольников, но и указывает на их численную «ничтожность». Совпадения буквальны.

То есть без дополнительных текстологических изысканий можно с уверенностью констатировать, что Некрасов при создании образа попа, несомненно, опирался на ставшее легендарным письмо Белинского – в большей мере следуя ему в первой редакции главы, но сохраняя стилевую близость и во второй. (Обратим внимание, что на связь главы «Поп» с письмом Белинского указывал современник Некрасова Н. И. Барсов: «„Поп“ поэмы буквально повторяет те прозвища, какие, по словам критика, усвоит священнику народ» [Барсов, 1874, с. 494]). Некрасов в данном случае, с одной стороны, эксплуатирует освоенную им еще в начале творческого пути стратегию подражания и следования чужой мысли (не случаен псевдоним, которым пользовался начинающий поэт, – Перепельский), с другой – поэт акцентированно подчеркивает солидарность и созвучие взглядам учителя-наставника. Другое дело, что ко времени начала работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Белинский уже ушел из жизни, и при создании второй редакции главы «Поп» Некрасов мог находиться под влиянием иных суждений и мнений авторитетных современников (на наш взгляд, речь должна идти не о самоцензуре, как полагают составители комментария к Собранию сочинений [см.: Некрасов, 1982, с. 621, 624–625], но о влиянии кого-то из некрасовского окружения). И этим авторитетом в период работы над главой мог быть, прежде всего, *поповский сын* Н. А. Добролюбов, со второй половины 1850-х годов плотно сотрудничавший в некрасовской ре-

дакции, не по книгам знавший тяготы жизни духовенства и к тому моменту уже пользовавшийся уважением работодателя и единомышленника-издателя. Это только гипотеза – но как бы то ни было, образ попа был скорректирован поэтом и в характере героя были актуализированы более объективные (реалистичные) черты.

В целом получившийся «натуралистичным» (в духе «натуральной школы») образ попа у Некрасова в какой-то момент развития сюжетной линии насыщается избыточными чертами «демократа». Из стана условных противников крестьян («счастливых») герой-поп неожиданным образом оказывается в стане (почти) их союзников и исповедует убеждения далеко не поповские, не господские, не богаческие. Так, в комментариях к главе «Поп» исследователи приводят реплику героя-попа: «Так вот друзья любезные / Каков почет священнику / В крестьянстве. А помещики... / Да вы их сами знаете, / Что много толковать!» [Некрасов, 1982, с. 264, выд. нами. – О. Б., С. Н.] – священник как будто бы выказывает осуждение помещикам. Поп оказывается едва ли не в положении угнетаемых крестьян – и ему милость господская достается «недешево».

Очевидно, что подобный демотический пафос объективно должен был быть чуждым речи священника. И в окончательном варианте эти строки о недовольстве попа помещиками Некрасовым изъяты, их место заняло сочувствие, которое герой выражает былому помещицкому укладу и всему строю поместной жизни: «Хоть часто крутонравные, / Однако добротные / <...> Ой холеные косточки / Российские, дворянские! / Где вы не позакопаны? / В какой земле вас нет?» [Некрасов, 1982, с. 23].

Готовность Некрасова поменять *плюс* на *минус* (и наоборот) примечательна и любопытна – эта поэтическая легкость свидетельствует о том, что при создании образа героя поэт следовал не собственным прочным убеждениям, но потворствовал толпе или (как справедливо утверждает М. С. Макеев [Макеев, 2017]) заботился о коммерческой успешности поэмы. Образ попа раз от раза меняет у Некрасова аксиологический ракурс, демонстрируя поверхностность «убеждений» поэта.

Подобно тому, как повествователь глазами героев-крестьян видит вокруг них только запустение и бедность, так и поп почти *бытийно* сокрушается по поводу неурожая. Особенность его суждений такова, что (как и в представлении крестьян, созданных Некрасовым) какими бы ни были погода, земли, урожай, новые дома, деревни –

всё плохо. «Угоды наши скудные, / Пески, болота, мхи, / Скотинка ходит впроголодь, / Родится хлеб сам-друг, / А если и раздоберется / Сыра земля-кормилица, / Так новая беда: / Деваться с хлебом некуда! / Припрет нужда, продашь его / За сухую безделицу, / А там – неурожай! / Тогда плати втридорога, / Скотинку продавай» [Некрасов, 1982, с. 24]. Как у крестьян из «Пролога» майские солнечные дни, полевые всходы, новые избы не вызывают отрадного чувства, так и в представлении некрасовского попа плох неурожай, но плох и избыток урожая. Иными словами – герои Некрасова (и богатые, и бедные) видят окружающую их жизнь *однобоко*, сознательно нагнетая впечатления горя и нужды, которые должны неизменно (с точки зрения поэта-демократа, революционера-народника) сопровождать российское крестьянство. «Деревни наши бедные, / А в них крестьяне хворые / <...> / Господь прибавь им сил!» [Некрасов, 1982, с. 24-25]. В итоге объективной эпической картины у Некрасова не возникает – субъективная тенденция доминирует. Ни рассказ попа, ни комментарии крестьян-странников не могут приблизить к ответу на вопрос «Кому живется весело, вольготно на Руси...»: поэт столь стремительно меняет аксиологию характеров, что в итоге исчезает глубина видения проблемы, намечается уход от ответа, эксплицируется философская «гибкость» в разрешении дилеммы. Эпический размах, замысленный поэтом при создании поэмы о народе, уже в Прологе и в первой главе «Поп» дискредитируется нарушением законов реалистического письма, ослабляется односторонностью авторской тенденции, нацеленностью на отчетливо социологизированный ракурс осмысления народной жизни. Как *неустойчивы* образы героев-крестьян (Вступление), так *гибок* и образ попа (глава «Поп») – подвижность аксиологических ракурсов эксплицирует (выдает) *вторичность* авторской позиции, уход от реальных проблем действительной жизни, зависимость поэта от далеко не эпических интенций.

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Письмо к Гоголю. Москва : Художественная литература, 1936. URL: https://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml (дата обращения: 14.01.2020).
2. Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов: проблемы творчества : монография. Ленинград : Советский писатель, 1989. 349 с.
3. Данилевский Р. Ю. «Между искусством, коммерцией и революцией» // Русская литература. 2006. № 3. С. 255-257.

4. Евгенийев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова : монография. Москва ; Ленинград : Наука, 1953. 282 с.
5. Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Н. А. Некрасов и русская литература : сборник научных статей. Москва : Наука, 1971. 512 с.
6. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и вечной проблеме : монография. Новгород Великий: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. 166 с.
7. Кошелев В. А. Некрасов и «джентельменский кодекс» охоты // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 1993. Вып. 2. 355 с.
8. Красносельская Ю. И. Стоит ли искать «ключи от счастья»? (Об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина) // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 2016. Вып. 9. С. 127-139.
9. Макеев М. С. Николай Некрасов : монография. Москва : Молодая гвардия, 2017. 464 с.
10. Макеев М. С. Поэт и покровитель: из истории издания сборника Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 5. С. 90-101.
11. Макеев М. С. О «странности» и «искренности» стихотворения Н. А. Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...»: «экономический» подтекст лирического произведения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 6. С. 9-21.
12. Макеев М. С. Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н. А. Некрасова в середине 1850-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 2. С. 62-71.
13. Макеев М. С. «Стих, как монету, чекань»: «поэтическая экономия» Некрасова в цикле «Подражание Шиллеру» (1877) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 3. С. 55-59.
14. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы : монография. Ленинград : Наука, 1989. 280 с.
15. Н. Б. (Н. И. Барсов). Мнения и отзывы нашей светской литературы о русском духовенстве // Христианское чтение. 1874, март. С. 494.
16. Некрасов Н. А. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Ленинград : Наука, 1982. 687 с.
17. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: избранные статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.
18. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература: монография. Ленинград : Наука, 1987. 264 с.
19. Скатов Н. Н. Некрасов: монография. Москва : Молодая гвардия, 1994. 411 с.
20. Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели: очерки. Москва : Советская Россия, 1986. 336 с.
21. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...»: о творчестве Н. А. Некрасова: монография. Москва : Просвещение, 1985. 174 с.
22. Смирнов С. Монументализация фантомов: некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 77-99.
23. Степанов Н. Л. Н. А. Некрасов: монография. Москва : Гослитиздат, 1962. 261 с.
24. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе: монография. Ярославль : Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.
25. Чехов А. П. Полное собр. соч.: в 30 т. Москва : ИМЛИ РАН, 1974-1983. Т. 25. Письма 1897-1898. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/che-te02.html> (дата обращения: 14.01.2020).
26. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. P. 194-195.
27. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.

Reference List

1. Belinskij V. G. Pis'mo k Gogolju. = The Letter to Gogol. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1936. URL: https://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml (data obrashhenija: 14.01.2020).
2. Buhshtab B. Ja. N. A. Nekrasov: problemy tvorcestva = Nikolai Nekrasov: Problems of Creative Works: monografija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1989. 349 s.
3. Danilevskij R. Ju. «Mezhdju iskusstvom, kommerciej i revoljuciej» = Amid Art, Commerce and Revolution // Russkaja literatura. 2006. № 3. S. 255-257.
4. Evgen'ev-Maksimov V. E. Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova = Nekrasov's Career as a Poet: monografija. Moskva; Leningrad : Nauka, 1953. 282 s.
5. Evstigneeva L. A. Spornye voprosy izuchenija pojemy Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» = Controversial Aspects of the Studies of Nekrasov's Poem Who Is Happy in Russia // N. A. Nekrasov i russkaja literatura : sbornik nauchnyh statej. Moskva : Nauka, 1971. 512 s.
6. Koshelev V. A. «Komu na Rusi zhit' horosho»: o velikoj pojeme i vечноj probleme = Who is Happy in Russia: on the Great Poem and the Eternal Problem: monografija. Novgorod Velikij: NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 1999. 166 s.
7. Koshelev V. A. Nekrasov and Gentleman's Hunting Code = Nekrasov i «dzhental'menskij kodeks» ohoty // Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', 1993. Vyp. 2. 355 s.
8. Krasnosel'skaja Ju. I. Stoit li iskat' «kljuchi ot schast'ja»? (Ob istochnikah i smyslah odnogo motiva u Nekrasova i Saltykova-Shhedrina) = Should One Look for the Keys to Happiness? (On the Sources and Meanings of the Motive of Nekrasov and Saltykov-Shchedrin) // Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', 2016. Vyp. 9. S. 127-139.

9. Makeev M. S. Nikolaj Nekrasov = Nikolai Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 464 s.
10. Makeev M. S. Pojet i pokrovitel': iz istorii izdanija sbornika N. A. Nekrasova «Mechty i zvuki» = The Poet and Patron: Glimpses on how Nekrasov's Dreams and Sounds collection of poems was published // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2006. № 5. S. 90-101.
11. Makeev M. S. O «strannosti» i «iskrennosti» stihotvorenija N. A. Nekrasova «Ja za to gluboko preziraju sebja...»: «jekonomicheskij» podtekst liricheskogo proizvedenija = On Oddity and Sincerity in Nekrasov's Poem 'I deeply despise myself for that...': the economic dimension of the lyric verse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2007. № 6. S. 9-21.
12. Makeev M. S. Robert Berns i Tomas Karlejl' Robert Berns i Tomas Karlejl' v pojeticheskom samoopredelenii N. A. Nekrasova v seredine 1850-h gg. = Robert Burns and Thomas Carlyle in Nekrasov's Poetic Identity Formation in mid-1850s // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2008. № 2. S. 62-71.
13. Makeev M. S. «Stih, kak monetu, chekan'»: «pojeticheskaja jekonomija» Nekrasova v cikle «Podrazhanie Shilleru» (1877) = 'Mint verse like a coin': Nekrasov's 'Poetic Economy' in his Cycle of Poems 'Imitation of Schiller' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2009. № 3. S. 55-59.
14. Mel'gunov B. V. Nekrasov-zhurnalist. Maloizuchennye aspekty problemy = Nekrasov as a Journalist. Understudied Aspects of the Problem : monografija. Leningrad : Nauka, 1989. 280 s.
15. N. B. (N. I. Barsov). Mnenija i otzvyvy nashej svetskoj literatury o russkom duhovenstve = Opinions and Reviews of Our Secular Literature on the Russian Clergy // Hristianskoe chtenie. 1874, mart. S. 494.
16. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 5. Komu na Rusi zhit' horosho. = Nekrasov's Collected Works issued in 15 Volumes. Vol.5 Who is Happy in Russia? Leningrad : Nauka, 1982. 687 s.
17. Pajkov N. N. Fenomen Nekrasova: izbrannye stat'i o lichnosti i tvorčestve pojeta. = Nekrasov's Phenomenon: Selected Articles on the Poet's Personality and Works. Jaroslavl' : Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo, 2000. 120 s.
18. Prijma F. Ja. Nekrasov i russkaja literatura = Nekrasov and Russian Literature : monografija. Leningrad : Nauka, 1987. 264 s.
19. Skatov N. N. Nekrasov = Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 1994. 411 s.
20. Skatov N. N. Nekrasov: Sovremenniki i prodolzhateli = Nekrasov: Contemporaries and Successors : očerki. Moskva : Sovetskaja Rossiya, 1986. 336 s.
21. Skatov N. N. «Ja liru posvjatil narodu svoemu...»: o tvorčestve N. A. Nekrasova = 'I have dedicated my lyre to my people': on Nekrasov's Works: monografija. Moskva : Prosveshhenie, 1985. 174 s.
22. Smirnov S. Monumentalizacija fantomov: nekotorye osobennosti bytovanija ideologičeskoi biografii N. A. Nekrasova = Monumentalization of Phantoms: Some Features of the Existence of Nekrasov's Ideological Biography // Voprosy literatury. 2009. № 6. S. 77-99.
23. Stepanov N. L. N. A. Nekrasov = Nikolai Nekrasov: monografija. Moskva : Goslitizdat, 1962. 261 s.
24. Tarasov A. F. Nekrasov v Karabihe = Nekrasov in Karabikha : monografija. Jaroslavl' : Verhne-Volzhs. kn. izd-vo, 1989. 224 s.
25. Chehov A. P. Polnoe sobr. soch.: v 30 t. = Complete Works in 30 Volumes. Moskva : IMLI RAN, 1974-1983. T. 25. Pis'ma 1897-1898. URL: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?feb/chekhov/texts/che-te02.html> (data obrashhenija: 14.01.2020).
26. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. R. 194-195.
27. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.